

«...Мы отливаем нашу речь по определенным жанровым формам...»: размышления о прочитанном

В работе дан аналитический обзор идей, содержащихся в книге Л.В. Балашовой и В.В. Дементьева «Русские речевые жанры» (М.: Издательский дом «ЯСК», 2022. 832 с.), которые соотносятся с пониманием словесности как отражения языковой картины мира. Раскрывается понятие теории речевых жанров и его интерпретация в русле коммуникативной и когнитивной лингвистики. Говорится о лингвокультуроведческом потенциале исследования феномена русской речи в данном аспекте. Рассматриваются смежные проблемы: жанр и творчество, жанр и языковая личность и др. Отмечается, что большое внимание в книге уделено анализу ценностной характеристики речевой коммуникации — изучению таких жанров, как разговор по душам, светская беседа, жанров Рунета и др. Особое место в концепции занимает сфера политической лингвистики и ее словесно-жанровая организация. Подчеркивается роль канцелярита, аналитического обзора, оппозиций «свой — чужой» в массмедиа. Указывается на смену вектора оценочных метакомментариев на новостных страницах СМИ. Обращается внимание на прикладное значение изучения речевых жанров на материалах Национального корпуса русского языка с использованием компьютерного анализа текстов и цифровизации языкового материала в РИНЦ. Обсуждаются спорные идеи теории речевых жанров, связанные с определением статуса крылатых слов как речевых единиц особой организации, позволяющего включать их в систему речевых жанров. Используется богатый историко-лингвистический опыт — от классических идей М.М. Бахтина, В.В. Виноградова, Г.О. Винокура и других ученых, стоявших у истоков этой проблематики, до концепций современных отечественных и зарубежных исследователей. Рецепция их взглядов подсказывает возможные векторы развития теории речевых жанров, необходимость их выявления и анализа в условиях центральных тенденций коммуникативной практики.

Ключевые слова: языковая картина мира, текст, речевой жанр, словесное творчество, лингвокультурология, когнитивистика.

The article provides an analytical review of the ideas set out in the book by L.V. Balashova and V.V. Dementiev "Russian speech genres" (Moscow: YASK Publishing House, 2022. 832 p.) in the context of the formation and development of speech definitions as a reflection of the language picture of the world. The concept of the theory of speech genres and its interpretation in the aspect of communicative and cognitive linguistics is revealed. It is said about the linguistic and cultural potential of the study of Russian speech phenomenon in this aspect. Related problems are considered: genre and creativity, genre and linguistic personality, etc. It is noted that much attention in the book is paid to the analysis of the value characteristics of speech communication — the study of genres such as heart-to-heart conversation, small talk, genres of the Runet, etc. A special place in the concept is occupied by the sphere of political linguistics and its verbal and genre organization. The role of the clerical speech, analytical review and friend-and-foe oppositions in the mass media is emphasized. It is indicated that the vector of evaluation meta-commentaries in the news pages of the media has changed. Attention is drawn to the applied importance of studying speech genres based on the use of the National Corpus of the Russian language, computer analysis of texts and digitalization of language material in the Russian Scientific Citation Index. The discussion of controversial issues related to the definition of the status of popular expressions as speech units of special organization is introduced. This circumstance makes it possible to include them in the system of speech genres. The rich historical and linguistic experience is used: from the classical ideas of M.M. Bakhtin, V.V. Vinogradov, G.O. Vinokur and other scientists who stood at the origins of this problem, to the concepts of modern domestic and foreign researchers. The reception of their views suggests possible vectors of the development of the theory of speech genres, the need to identify and analyze them in the conditions of centrifugal trends of communicative practice.

Keywords: language picture of the world, text, speech genre, verbal creativity, linguoculturology, cognitive science.

Вторая половина XX в. ознаменовалась всплеском поисков новых подходов к анализу языка и входящих в него объектов лингвальной действительности. Пытаясь преодолеть абстрактность структурализма с его формализмом, стремлением к излишней систематизации, строгими правилами, нормами, кодами языка [1. С. 2, 13], но и не желая возвращаться к традиционной компаративистике XIX в., основанной почти на математически выверенных фонетических, грамматических и лексико-семантических правилах и закономерностях, новая эпоха обратилась

к лингвопсихологическому, лингвофилософскому, лингвосоциологическому, лингвоэтнографическому, лингвокультурологическому, лингвоправовому и прочим направлениям языкознания. Друг за другом появились этнолингвистика, когнитивная лингвистика, дискурсивная лингвистика, описание языковых картин мира и т.д. Всех их объединяли размытость подходов к анализу языка, широта парадигматических построений, нестрогое (интуитивное) мышление [2; 3], постмодернистское отсутствие критериев достоверности, нечеткое определение единицы анализа и др. Все это породило ложное представление о легкости лингвистического исследования, о возможности свободной интерпретации случайно подобранных языковых фактов, о клишировании и алгоритмизации научного поиска.

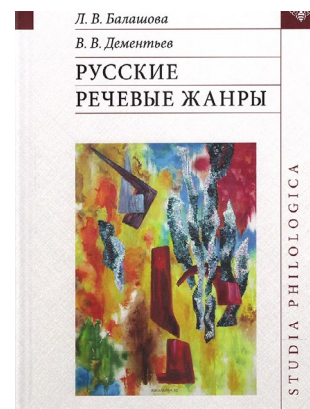
Если большая часть отмеченных направлений новой лингвистики возникла в западной науке и пришла в Россию уже в готовом виде, став стимулом для их осмысления, а порой и переосмысления российскими учеными, то теория речевых жанров родилась в самой России; исходной точкой, толчком для нее послужили высказывания М.М. Бахтина о существовании этого лингвального и лингвистического феномена, о том, что речевые жанры являются «типической формой высказываний, но не самими высказываниями» [4. С. 192], и др. Стремление выстроить типологию речевых жанров, определить их иерархию и взаимосвязи постоянно наталкивается на интерпретационные затруднения. Это прекрасно ощутили авторы рецензируемого труда:

Главными препятствиями на пути к собственно лингвистическому изучению жанров, безусловно, стали многообразие жанров и их вариативность. Даже если представить, что кем-то будет составлен полный список речевых жанров, при любой попытке применить его к речевжанровому многообразию на практике он будет немедленно сведен на нет громадным количеством незначительных и очень значительных отклонений от «стандарта», авторской и «слушательской» непредсказуемостью, личностной окраской и субъективной волей, участием самых разнообразных и тоже непредсказуемых компонентов ситуации общения (с. 26)¹.

Мы сталкиваемся не только с терминологической «чехардой», но и с попытками «переиначить» лингвистическую историю, «освежить» ее модными трендами [5]. Некоторые из таких направлений, представленные в словаре-справочнике «Наука о языке XX века», смогут прорваться сквозь известный консерватизм, другие останутся мечтаниями их создателей. Но, так или иначе, это показывает движение науки в сторону контаминации методов исследования и поиска современных подходов к изучению фактов языка и речи. Обсуждаемая книга Л.В. Балашовой и В.В. Дементьева как раз находится на пересечении традиции и новаторства.

Итак, теория речевых жанров (ТРЖ) как еще один проблемный аспект лингвистической науки в настоящее время приобретает широкую известность, с одной стороны, в силу дискуссионности концепций ученых разных школ и поколений, с другой — по причине взрывного развития речевой культуры и ее освоения практически во всех сферах деятельности, где она может образовывать свои микрожанры. Особенно это стало заметно с расширением функций интернета и глобализацией культуры: «перетаскиванием» инородных объектов (энциклопедия «Луркоморье») в коммуникативное поле русскости и в некоторой степени даже разрушением этого пространства. Есть и внутренние обстоятельства, которые не позволяют пока найти оптимальную стратегию. Так, авторы книги задаются вопросом:

¹ Здесь и далее в круглых скобках указаны страницы рецензируемого издания.

Балашова, Л.В.
Русские речевые жанры / Л.В. Балашова, В.В. Дементьев. — Москва : Издательский дом «ЯСК», 2022. — 832 с., ил. — (Studia Philologica). ISBN 978-5-907290-84-6

Balashova, L.V. Russian speech genres / L.V. Balashova, V.V. Dementiev. — Moscow : YASK Publishing House, 2022. — 832 p., il. — (Studia Philologica).

...какие механизмы позволяют носителю языка идентифицировать речевые жанры в тех случаях, когда ни конкретная языковая форма реплик, ни их последовательность не имеют ничего общего с теми, с которыми он уже сталкивался в своей речевой практике? Часто высказываемая исследователями идея «ключевых» слов, опорных реплик или типических интенций не может быть эффективно применена во многих случаях, поскольку известные заранее «ключевые» конструкции и речевые фигуры могут вообще не встретиться во вполне гладко протекающем речевом общении (с. 10).

Надо сказать, что речевые жанры пронизывают практически все пространство общественной и художественной коммуникации. Последняя выступает в значительной мере как отражение живых процессов речи, осмысленных и представленных автором в национально-языковой картине мира.

Актуально звучит идея ученых, согласно которой «жанр речи понимается как ментальная модель речевой коммуникации» (с. 11). Задачами исследования авторы ставят изучение речевых жанров с позиции концептологии и речевой картины современности. При этом они делают акцент прежде всего на лингвистическом аспекте речевого жанра: изучают язык и стиль разных жанров, метафорические модели и др. (с. 12).

Не стоит думать, что ТРЖ возникла в наше время. Современный научный инструментарий и богатство доступных информационных средств, несомненно, расширили языковедческие возможности отбора, структуризации и анализа речевых жанров. Еще Г.О. Винокур говорил о «фатике — информатике», а В.В. Виноградов выделял общение, сообщение и воздействие в качестве главных общественных функций языка (с. 354). В ТРЖ используется опыт предшественников разных школ и направлений (М.М. Бахтин, А. Вежбицкая, К.Ф. Седов, Т.В. Шмелева и др.), которые каждый по-своему расставляли приоритеты ТРЖ. Так, например, А. Вежбицкая считает, что «жанры являются средством **типологического осмысления лингвокультур**» (с. 24). Т.В. Шмелева на основе проведенного анкетирования выделила четыре типа речевых жанров: информативные, императивные, этикетные и оценочные. Она коснулась и понятий «образ автора» и «образ адресата» в контексте ТРЖ (с. 37). Многие аспекты разбираются в монографии подробно, с изложением подходов и концепций ученых других школ, пересекающих границы ТРЖ и дающих импульсы для дальнейшего филологического изучения.

Лингвокультуроведческая стратегия во взглядах Л.В. Балашовой и В.В. Дементьева является одной из определяющих. Обобщая обзор идей в этом направлении изучения ТРЖ, они предложили следующие тезисы: «жанры речи в своей основе оценочны»; «существуют коммуникативные ценности как часть общих культурных ценностей»; «существуют универсальные и национально специфичные коммуникативные ценности» и др. (с. 60).

Интересны наблюдения ученых как развиваются в связке *жанр и творчество, жанр и языковая личность*. Первая имеет психолого-философский оттенок: еще В. фон Гумбольдт и А.А. Потебня подступались к осмыслению этой доминанты культуры, к анализу роли человеческого фактора в языке. Согласимся с Л.В. Балашовой и В.В. Дементьевым в том, что «личность играет огромную роль в раскрытии творческих потенций речевого жанра» (с. 100). Литературоведческий подход к освещению другой проблемы более активно разрабатывался в литературоведческой науке, чем в лингвистической. Такие понятия, как *язык писателя, идиостиль, словарь*, уже давно вошли в терминологический обиход. Выделенные авторами речевые жанры *светская беседа* (у Л.Н. Толстого), *исповедь и скандал* (у Ф.М. Достоевского) во многом показательны в системе ТРЖ, поскольку отражают типичные ситуации общения. Это направление в языкознании на сегодняшний день находится на подъеме. Ученые справедливо подметили, что

аспекты проблемы «жанр и языковая личность» являются в высокой степени актуальными (причем не только собственно для теории речевых жанров), однако представляют собой скорее задачи, поставленные перед развивающейся теорией, чем отчет о проделанной работе. Решение этих задач — дело будущего. К сожалению, пока проблема «жанр и языковая личность» не относится к числу наиболее разработанных в теории речевых жанров: почти не было систематических исследований общего характера, посвященных аспектам данной проблемы (с. 135).

Несомненный интерес для развития ТРЖ и в целом для понимания места и роли жанров в системе национально-языковых ценностей представляет изучение отдельных жанров русской речевой культуры. Так, *разговор по душам* (РпД) (= «кухонный разговор»), по мнению авторов книги, имеет «исключительное значение для русского коммуникативного пространства, а также системы основных ценностей русской культуры. Личный опыт общения автора с довольно большим числом русских женщин, вышедших замуж за иностранцев (счастливы), показывает, что одной из главных вещей, которой им недостает в новой жизни, является именно РпД» (с. 323).

Светская беседа как жанр фатического общения была заимствована из западной культуры, прижилась у нас в высоких сословиях и отчасти сохраняет свои традиционные нормы, среди которых Л.В. Балашова и В.В. Дементьев называют *элитарность, праздничность и изощренность* (с. 331). Они как бы подчеркивали социальный статус привилегированных классов, их особенность, в том числе и в сфере речевого поведения.

Большое влияние на формирование современных речевых жанров оказывает интернет, ставший неотъемлемой частью лингвистики и источником того нового, что начинает проникать в сферу жанроведения. Молодежные течения и слова, тиражируемые в соцсетях, причудливые словесные модели, в которые они облакаются, создали колоритные образы времени со своей типичной речевой коммуникацией. Например, в последние годы в школьных жанрах речи часто фигурирует *дед инсайд* — «депрессивный человек, носящий черную одежду», являющийся одним из центральных героев модели речевой коммуникации подростков. В неформальной беседе часто фигурируют слова-обрывки типа *кни* — «конечно», *пон* — «понял», *не пон* — «не понял», *пр* — «привет», *рил* — «реально», *согл* — «согласен», *чел* — «человек». Многие ситуации поясняются вмиг созданными аббревиатурами, переделанными из англицизмов по моделям речевых практик, легко усваиваемых даже школьниками, которым нередко придается свой, отличный от общепринятого, смысл. Приведем два примера из нашей анкеты:

ПОВ (от англ. *point of view*) — какая-то ситуация, которая бывает у многих. Например, мама попросила разморозить мясо, а я забыл.

ЛОХ — ругательство. Так говорят о неудачнике. Появилось от выражения «любитель овсяных хлопьев» (sic!).

Такие явления стали называть новой дискурсивной революцией, в которой рождаются и приживаются экстравагантные речевые модели. Интернет-творчество в целом — целая вселенная речевых жанров, скользящих на острие лингвистических законов, не всегда вписывающихся в традиционные ТРЖ. Так, в этой среде быстро приобрела популярность неформальная энциклопедия «Луркоморье»: оценочностью, грубостью, смелостью реплик, даже художественностью создается эмоционально-коммуникативный эффект модели *другого* языка, в котором мат соседствует с окказионализмами, а энциклопедичность — с обилием неуместных в традиционных энциклопедиях бытовых подробностей (с. 370). Дихотомия «свобода — несвобода» становится главным лозунгом, высшей ценностью этого ресурса (с. 377). А «карнавал» понимается в речевом жанре не только как коверкание речи, но как «перевертывание верха и низа», обилие разоблачений и негативных коннотаций. Авторы книги очень подробно разбирают этот феномен с разных точек зрения. Противоречивость и скандальный фон вокруг «Луркоморья» поддерживают к нему интерес определенных групп людей и создают возможности для неофициального интернет-общения в новых жанровых рамках и эстетических категориях. Кстати, наличие в нем аббревиатур (с. 387) — типичная черта речевого общения в таком формате. К другим речевым жанрам интернета Л.В. Балашова и В.В. Дементьев относят также *интернет-рейтинг, онлайн-тест, интернет-анекдот*.

Высокую степень речежанрового творчества обнаруживает в последние десятилетия сфера политической коммуникации, где, по мнению ученых, выделяются ядерные и периферийные жанры. К первым они относят *парламентские дебаты, речи политических деятелей, голосование*.

Во вторым — интервью с политологом, репортаж с митинга и др. (с. 564–565). В типологии речевого жанра политического дискурса также можно выделить ведущие интенции, по которым разграничивают «ритуальные жанры (*инаугурационная речь, юбилейная речь, традиционное телеобращение*), ориентационные жанры (*партийная программа, конституция, послание президента о положении в стране, отчетный доклад, указ, соглашение*), агональные жанры (*лозунг, рекламная речь, предвыборные дебаты, парламентские дебаты*)» (с. 565). Следует согласиться с авторами книги, что настоящий момент общественных потрясений активно способствует появлению «особых форм и видов коммуникации, в которой довольно быстро складываются новые регулирующие правила и стереотипы» (с. 565).

Показательным с этой точки зрения будет исследование *канцелярита* как факта речевой и идеологической культуры, имеющего характерные формальные особенности, например номинализацию (*удешевление стоимости кредита*), лексические штампы (*передовые позиции*), отыменные предлоги (*в ходе наших встреч с избирателями*) (с. 566). Работ, разбирающих такие явления, уже немало, и авторы с большим интересом пишут об этом феномене массовой речевой культуры, получившем распространение от социальных низов до демонстрации моделей метафор в выступлениях президента России (с. 571–581). Наполняется новыми смыслами и оппозиция *свой* — *чужой*, занимающая одно из центральных мест в политическом дискурсе и представляющая собой актуализацию известного концепта. Л.В. Балашова и В.В. Дементьев отмечают, в частности, что

либеральные массмедиа при реализации концепта «свой» реже используют экспрессивно-образные средства, но если такие встречаются, то они обычно из других концептуальных моделей, чем в коммунистических СМИ (с. 597).

В описании этого явления, как кажется, ученые увлеклись своими концептологическими находками, моделями и метафорическими блоками, несколько отступив от основной идеи ТРЖ.

В заключительной части книги обсуждаются прикладные аспекты, связанные с «корпусной генеристикой» и ее возможностями при изучении речевых жанров. Это будет актуальным для поиска ключевых слов или текстовых маркеров речевого жанра, например такого как *роман* (с. 683–684). В ходе наблюдений над корпусами можно не только выяснить частотность словоупотребления, но и выявить жанровые особенности идиостиля. Здесь же говорится о том, что проблема идентификации речевого жанра не такая простая. Как, допустим, идентифицировать *светскую беседу*? Введения ключевых слов для поиска будет недостаточно. Авторы предлагают подумать о поиске «ключевых коммуникативно-речевых единиц для конкретных жанров» (с. 684). Как быть со сложными речевыми жанрами, корпусная методика систематизации которых еще недостаточно разработана (с. 686)? На эти и другие вопросы, звучащие совсем в ином когнитивном ключе, авторы обратили внимание читателей, настраивая аудиторию на возможности новых лингвотехнических экспериментов с базами данных. Одной из самых популярных среди них является РИНЦ, аккумулирующий в том числе дискурсы и их отдельные жанры со структурной точки зрения (с. 732).

В контексте интересующей нас проблемы следует порассуждать и о спорных моментах ТРЖ, где до сих пор немало лакун, которые могут быть заполнены по-разному интерпретируемым материалом. Например, при лексикографировании художественных текстов мы встречаемся с колеблющейся зоной классификационных признаков — такими терминами, как «цитата», «афоризм», «прецедентный текст», «крылатое выражение»... Их несомненное сходство в выражении, способность быть функциональным средством коммуникации, показывающей типичную интенцию говорящего при окказиональности лексического смысла, очень сближают крылатые слова, как мы предполагаем, со «свернутым высказыванием» — недосказанностью, выразительностью «надсмсла». Возникает завершенность мысли при якобы «незавершенности» формы. Ведь у смысла нет формальных границ. Крылатое слово в той же степени интенционально, как и эпитафия, афоризм, пословица... Оно в понимании носителей языка, людей, много пишущих, является именно жанром непрямого авторского комментария. Понимая ключевые слова именно как ядерное (для публицистического

и художественного стиля в особенности) средство эмотивного комментария, мы и можем поставить новую проблему «жанр — крылатые слова», которая, думается, еще недостаточно разработана. Показательно, что в энциклопедическом словаре-справочнике под редакцией А.П. Сквородникова «Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты» прямо указывается, что «в большинстве работ к а<форизмам> относят только авторские изречения, в т<ом> ч<исле> крылатые слова» [6. С. 75]. Полагаем, что в XXI в. уже нельзя относиться к ним так же, как в середине века двадцатого, определив их «раз и навсегда» в загон для фразеологизмов и «выразительных средств». Высказывания как речевой акт уже не требуют формальной сверхсловности и семантической определенности. У подростков, например, есть речевой акт (жанр?) иронической лаконичной итоговой оценки-реплики, в которой надо ограничиться только одним словом категории состояния или мемом («Лол!» / «Кринжово!» / «Трешак» / «Треш», «Принято-понято» и т.д.).

В теории речевых жанров, особенно малых, остро стоит проблема способов выражения и отражения действительности, проблема смыслопорождения. Замечательно в этом отношении представлена рецепция крылатых слов из произведений И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев» и «Золотой теленок» в современной коммуникативной практике, зафиксированная в словаре-справочнике В.М. Мокиенко и К.П. Сидоренко [7]. Талантливые писатели словно уловили эту тенденцию, создавая персонажей («сын лейтенанта Шмидта») в связи с особыми типами «новой» коммуникации на обломках разрушенной, «одесского стиля» и т.д. Вся советская действительность показана в речевых коммуникативных формулах, и эти формулы раз и навсегда определили сами явления, точно так же как в теории номинации вдруг рождается слово, называющее фрагмент картины мира. Например: «Господа присяжные заседатели» [Там же. С. 60], «Дышите глубже: вы взволнованы» [Там же. С. 79], «Из двух зайцев выбирают того, который пожирнее» [Там же. С. 98], «Ударим автопробегом по бездорожью и разгильдяйству» [Там же. С. 249] и многие другие.

Поэтому *афористический речевой жанр — крылатое слово как средство непрямого комментирования* — очень важный предмет для рассуждения. Средство, прием или языковая единица в теории коммуникации и как маркер жанра далеко может отбежать от своих общепринятых представлений. В книге Л.В. Балашовой и В.В. Дементьева несколько другой взгляд, но и там дискуссия отражает разные точки зрения на понятие речевых жанров: авторы обсуждают подход М.М. Бахтина с его репликами бытового диалога в романах как речевом жанре, комментируют мысль о том, что «по словичный способ говорения» может рассматриваться как один из речевых жанров.

В романах И. Ильфа и Е. Петрова, как великолепно показали авторы словаря, есть упорядоченность, формализация, кодирование, что позволяет рассматривать их крылатые слова как *тексты особой организации*, «контрастирующие с литературной нормой выражения», содержащие «приемы речевого манипулирования», стимулирующие «возникновение потока цитат из диалогии и их интертекстовых дериватов» с «мощным живым ассоциативным потенциалом» [Там же. С. 4]. Отрадно, что современная лексикография придает импульс развитию подходов к классифицированию речевых жанров и поиску тех оптимальных инструментов, которые позволят совместить теорию с современными когнитивными методиками.

Полагаем, что настоящее время открыто для продуктивного и независимого обсуждения спорных моментов в бахтинском понимании жанра как «поведенческого отклика» в художественном тексте. Лингвистическая классика никогда не может устареть и навредить — надо только найти в ней нужную цепочку, и любая проблема получит совершенно новый, необычный отзвук в веренице модных тем и противостояний.

Сказанные М.М. Бахтиным на заре филологических исследований в области ТРЖ слова: «...мы отливаем нашу речь по определенным жанровым формам...» [8. С. 271] — до сих пор остаются в некотором смысле философемой лингвистики и имеют неоднозначную интерпретацию, как и многое из того пророчески уникального, что пунктиром разбросал на страницах «Эстетики

словесного творчества» гениальный интуитивист, всматривавшийся в ткань речевой прагматики так непосредственно и по-художественному талантливо, что эти задачи мы решаем и в XXI в. Значит, теория речевых жанров переживет еще не одно потрясение.

Литература

1. *Léon J.* Historiographie du structuralisme généralisé: Etude comparative // Les dossiers d'HEL. Histoire, Épistémologie, Langage. 2013. No. 3. P. 1–23.
2. *Вуйцицкий Р.* Ошибки нестрогого мышления // Вопросы философии. 2001. № 12. С. 101–107.
3. *Рабосси Э.* Некоторые комментарии к статье Вуйцицкого «Ошибки нестрогого мышления» // Вопросы философии. 2001. № 12. С. 108–110.
4. *Бахтин М.М.* Проблема речевых жанров. Из архивных записей к работе «Проблема речевых жанров». Проблема текста // Собрание сочинений: в 5 т. Т. 5: Работы 1940 — начала 60-х годов. М.: Русские словари, 1996. С. 59–206.
5. *Базылев В.Н.* Наука о языке XX века: словарь-справочник. 3-е изд., стер. М.: Флинта, 2021. 135 с.
6. *Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты / под ред. А.П. Сковородникова.* 3-е изд., стер. М.: Флинта, 2011. 480 с.
7. *Мокшенин В.М., Сидоренко К.П.* Крылатые слова диалогии Ильи Ильфа и Евгения Петрова («Двенадцать стульев» и «Золотой теленок»): словарь-справочник. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2021. 312 с.
8. *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. Изд. 2-е. М.: Искусство, 1986. 445 с.

References

1. *Léon J.* Historiographie du structuralisme généralisé: Etude comparative // Les dossiers d'HEL. Histoire, Épistémologie, Langage. 2013. No. 3. P. 1–23.
2. *Wojcicki R.* Oshibki nestrogogo myshleniia // Voprosy filosofii. 2001. No. 12. S. 101–107.
3. *Rabossi E.* Nekotorye kommentarii k stat'e Vuitsitskogo "Oshibki nestrogogo myshleniia" // Voprosy filosofii. 2001. No. 12. S. 108–110.
4. *Bakhtin M.M.* Problema rechevykh zhanrov. Iz arkhivnykh zapisei k rabote "Problema rechevykh zhanrov". Problema teksta // Sbranie sochinenii: v 5 t. T. 5: Raboty 1940 — nachala 60-kh godov. Moscow: Russkie slovri, 1996. S. 59–206.
5. *Bazylev V.N.* Nauka o iazyke XX veka: slovar'-spravochnik. 3-e izd., ster. Moscow: Flinta, 2021. 135 s.
6. *Entsiklopedicheskii slovar'-spravochnik. Vyzritel'nye sredstva russkogo iazyka i rechevye oshibki i nedochety / pod red. A.P. Skovorodnikova.* 3-e izd., ster. Moscow: Flinta, 2011. 480 s.
7. *Mokienko V.M., Sidorenko K.P.* Krylatye slova dilogii Il'i Ilfa i Evgeniia Petrova ("Dvenadtsat' stul'ev" i "Zolotoi telenok"): slovar'-spravochnik. St. Petersburg: Izd-vo RGPU im. A.I. Gertsena, 2021. 312 s.
8. *Bakhtin M.M.* Estetika slovesnogo tvorchestva. Izd. 2-e. Moscow: Iskusstvo, 1986. 445 s.

Никитин Олег Викторович,

доктор филологических наук,
профессор кафедры славистики, общего языкознания
и культуры коммуникации
Государственный университет просвещения

Nikitin Oleg V.,

Doctor of Philology, Professor of the Department of
Slavistics, General Linguistics and Culture of Communication
State University of Education

ORCID ID: 0000-0003-2815-6691

e-mail: olnikitin@yandex.ru

Супрун Василий Иванович,

доктор филологических наук,
профессор кафедры русского языка и методики его преподавания
Волгоградский государственный социально-педагогический
университет

Suprun Vasily I.,

Doctor of Philology, Professor of the Russian Language and
Methods of its Teaching Department
Volgograd State Socio-Pedagogical University

ORCID ID: 0000-0003-2489-9199

e-mail: suprun@vspu.ru

